

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ

Борис МИЛОВЗОРОВ

Он висел в углу под потолком и недоуменно смотрел сквозь свои полупрозрачные руки на люминесцентный светильник. Яркий свет слепил, заставлял отвернуться. Взгляд скользнул вниз, вдоль белых стен, наткнулся на кровать, на которой лежал человек с туго забинтованной головой, с маской на лице и трубкой во рту. «Кто это? – лениво шевельнулся внутри него вопрос и тут же, как продолжение: – А я кто?»

В памяти всплыли вспышка, пламя, клубы секущего песка и ядовитые укусы осколков по телу и в голову. «Мина! – озарило его. – Меня ранило в Сирии. Я Андрей Калегов, майор спецназа, и мой позывной „Колдун“!». Это воспоминание отпечаталось в нем и зависло, мысли почти остановились. До Андрея медленно доходило, что лицо человека внизу ему хорошо известно – это его собственное лицо. «Неужели все так плохо?» – равнодушно шевельнулось внутри него.

Скрипнула дверь, в палату вошел человек в белом халате, следом – мужчина и женщина. Их лица невыносимо знакомы, но невозможно никак вспомнить: сознание вязкое, мысли тонут в нем, как в бездонном болоте.

Люди внизу разговаривали негромко, но Андрей отчетливо слышал каждое слово.

– Доктор, как он? – спросил мужчина.

– Если честно, плохо, – врач нагнулся над тихо плакающим прибором. – Осколки мины в ногах не фатальны, а вот осколок из головы извлечь невозможно.

– Но почему?! – всхлипнула женщина.

– Близко к мозгу.

Андрей узнал голос женщины и ее лицо. Это его жена Юлия. Но почему он так холодно и отстраненно думает о ней? Он не успел обдумать ответ на свой вопрос, потому что вспомнил второго посетителя – это Саша, его давний друг.

Калегов устал, хотелось уснуть, забыться, но разговор шел о нем, надо было дослушать.

– Он придет в себя, доктор? – спросил Саша.

– Не хочу вам врать: вряд ли.

– То есть Андрей умирает?

Доктор промолчал, лишь неопределенно пожал плечами.

– Сколько ему осталось? – едва слышно спросила Юлия.

– Этого никто не знает. Может, день, а может, месяц. Сегодня десятый день, как ваш муж у нас в реанимации. Его организм жив, но у него прогрессирует отек мозга, развивается пневмония. Мы боремся...

– Неужели ничего нельзя сделать?! – едва сдерживая рыдания, перебила его женщина.

– Пока только ждать.

– Чего ждать?! – крикнула жена.

– Например, чуда, – доктор положил руку на ее плечо. – Крепитесь, Юлия, я ведь не просто так допустил вас в реанимацию.

Женщина всхлипнула и, закрыв лицо ладонями, выбежала из палаты. Доктор взглянул на мужчину.

– Вы кем больному приходитесь?

– Близкий друг.

– Понятно. Прощайтесь.

Мужчина склонился над раненым и осторожно пожал его безвольную ладонь. Андрей из своего угла под потолком вдруг ясно ощутил это прикосновение, поднял свою полупрозрачную руку, пошевелил пальцами. Мужчина замер: ему почудилось ответное движение. Он наклонился еще ниже, приблизил губы к уху друга.

– Андрей, – отчетливо услышал Калегов, – я не хочу прощаться. Сегодня все твои друзья будут молиться о твоём здравии.

– Молиться? – удивился доктор. – И много у него друзей?

– Много. Мы все договорились, что с сегодняшнего дня неделю будем заходить в храм и молиться за него. Даже на Афоне нашу молитву поддержат.

– Надо же... – покачал головой врач. – Что ж, и я в часовню зайду, свечку поставлю.

– Спасибо. Слышишь, Андрей?! Это я, Саша Гуреев, вернись, ты же всегда был героем.

Калегова неудержимо потянуло вниз, окружающий свет померк, и пришел покой. Среди пустой темноты возникали крохотные светлые точки. Они парили то мелкими звездочками, то размытыми белыми пятнами. Андрей удивленно всматривался в них, пока одно из них не поманило его.

Андрей прикрыл входную дверь и крадучись двинулся по скрипучим половицам. В спальне предательски заголосила маленькая сестричка, из кухни вышла мама.

- Опять синяк?!
- Я Мыша защищал.
- Это мелкого такого?
- Олег мне друг! – упрямо мотнул головой сын.
- Ладно, герой, иди обедать. Стой, а руки мыть?

Калегов вновь провалился в темноту и потянулся к другому ближайшему светлому пятнышку.

Повзрослевшие Андрей и Олег с предпоследней парты с интересом смотрели на подтянутого мужчину в ярком спортивном костюме. Классная только что объявила, что это Кокорин Николай Алексеевич – новый тренер по боксу городской детско-юношеской спортивной школы. Дети затихли, изучая человека, он тоже с интересом во взгляде и доброй улыбкой рассматривал класс.

– Дети, бокс – спорт в основном мужской. Поэтому извините, девочки, я обращаюсь к мальчикам, – тренер сделал шаг вперед. – Ну что, хулиганы и двоечники, кто желает махать кулаками по правилам? Хорошисты и отличники тоже приветствуются.

Андрей и Олег переглянулись и первыми подняли руки. Следом поднялись еще несколько рук. Тренер кивнул.

– Отлично. После уроков жду вас в школьном спортзале, познакомимся поближе.

Тренер построил всех добровольцев в шеренгу.

– Ребята. Вижу вашу решимость, но сразу предупреждаю: бокс – спорт жесткий, от вас понадобятся не только сила и ловкость, но и упорство.

Кокорин неторопливо двинулся вдоль шеренги, записывая данные мальчишек в блокнот. Перед Олегом Тарасовым, другом Андрея, тренер молча остановился, в его взгляде читалось сомнение.

- Николай Алексеевич, – не выдержал Андрей, – Олечка знает, какой сильный и выносливый!
- Друг? – Кокорин улыбнулся.
- Друг.

– Это хорошо. Фамилия, имя, адрес?

Вечером после работы Кокорин вошел в заднюю дверь старенького автобуса и устало сел на железное крашенное сидение. Некоторое время он под завывание двигателя смотрел в замороженное окно, потом взгляд скользнул на сидение напротив. Оно было густо исцарапано различными надписями. Обычное дело, но тут в глаза бросились крупные, чуть корявые буквы: «Мыша» и «Колдун». Тренер протянул руку, провел пальцем, и, улыбнувшись, покачал головой.

Утром он зашел в раздевалку, Андрей и Олег стояли у своих шкафчиков. Николай Алексеевич направился к ним, мальчишки замерли.

– Вы зачем, герои, автографы свои на автобусных креслах нацарапали?

Ребята переглянулись.

– Это не мы! – заявили они хором.

– Андрей, – отчетливо услышал Калегов, – я не хочу прощаться. Сегодня все твои друзья будут молиться о твоём здравии

Андрей не успел улыбнуться своим детским воспоминаниям, как вдруг вновь выпал в темноту под веками. Что-то обеспокоило его нежным и знакомым прикосновением к руке. Он, было, дернулся навстречу, но споткнулся о тихий женский голос.

– Андрюша, почему ты никого не послушал?! И я, и друзья – все говорили, не ходи больше на войну!.. Ой, доктор, у него пальцы дрогнули!

– Увы, Юлия, это рефлексия, так часто бывает. Женщина всхлипнула и запричитала.

– Андрюша, как я тебя просила, составь завещание! А ты что сказал? Герои не умирают! Расскажи теперь это самому себе.

Горестная волна заколыхала темноту под веками, подтолкнула Андрея куда-то прочь от блистающих пятнышек света, но он сопротивлялся: он же их еще не все рассмотрел!

Андрей, прижимая к носу быстро краснеющую тряпицу, спрыгнул с ринга и, не обращая внимания на оклик Мыша, направился в раздевалку. Тарасов рванулся следом, но Кокорин ухватил его за руку.

– Олег, у тебя бой скоро, я сам. Кстати, а почему ты друга Колдуном кличешь?

Мальчик помолчал, раздумывая, говорить или не говорить.

– Он с первого класса вечно перед важным делом колдует, шепчет что-то, руками машет.

– Понятно.

Калегов сидел на скамейке, рассматривая окровавленный клочок в руках. Вошел тренер, он глянул в его сторону и насуплено отвернулся. Кокорин сел напротив.

– Андрей, поговорим? – мальчик кивнул. – Это твой восьмой проигрыш подряд.

– Я знаю. Но это несправедливо. Подумаешь, нос слегка задела!

Калегов зло и метко закинул бурую тряпку в урну в углу. Тренер удивленно приподнял бровь, на губах мальчишки мелькнула довольная улыбка.

– Андрей, давай посмотрим правде в глаза, – Кокорин сделал паузу, но ученик молчал, и он продолжил. – Ты способный, данные у тебя хорошие, но для бокса нос слабый. Все твои проигрыши из-за кровотечения. Даже противники уже знают, специально метят.

– Ну, и пусть!

– Андрей, может, борьбой займешься?

– Нет! Я буду побеждать!

Кокорин встал, похлопал ученика по плечу.

– Ладно, герой, посмотрим!

Калегов подошел к остановке автобуса, на которой плотной группой зябко топтались недовольные граждане. «Похоже, опять автобус сломался», – подумал он. Несколько вопросов и его опасения подтвердились: люди автобус уже час ждут. Мальчишка закинул за спину спортивную сумку и выбежал на искрящуюся снегом дорогу. «Ничего, – шептал он себе в такт бегу, – всего пять километров, не впервой».

Когда он ввалился в раздевалку, от него валил пар, ребята из команды заулыбались: «Что, Колдун, опять бегом?» Сил отшучиваться не было, надо было срочно переодеваться. Олежек был уже здесь.

– Мыша, а ты как добрался?

– Отец на обед заезжал, подвез.

Бокс – спорт жесткий, от вас понадобятся не только сила и ловкость, но и упорство

Через четыре года после успешного участия в нескольких всесоюзных юниорских турнирах Калегов получил звание КМС – кандидата в мастера спорта по боксу.

Андрей с Олегом стали захаживать на городскую дискотеку. Часто там было беспокойно из-за выпивох и буянов, пристающих к девчонкам и устраивающих пьяные драки. Однако с некоторых пор местные хулиганы стали наткаться на кулаки двух боксеров, без лишних слов призывающих к разумному поведению и справедливости. Очень скоро Колдуна и Мыша запомнили и зауважали, а девочки стали бегать к ним жаловаться на залетных приставал и грубиянов.

Бокс боксом, но некоторые стычки показали друзьям, что одних спортивных навыков для победы в них не всегда достаточно. Мыша где-то раздобыл видеofilm первого чемпионата Европы по кикбоксингу 1984 года. Невозможно сосчитать, сколько раз они просматривали эту запись. А еще замороженно смотрели фильмы с Брюсом Ли, Чаком Норрисом, другими мастерами единоборств. В свободное от основных тренировок время друзья стали отрабатывать увиденные приемы, иногда до хрипоты споря, как надо правильно бить ногами и какую стойку держать. Очень скоро новые навыкигодились. Особо обидчивые смутьяны систематически обещали с ними «разобраться» после танцев на улице. Друзья никогда не трусили и привычно, встав «спина к спине», неизменно выходили из этих разборок победителями.

За постоянными тренировками, соревнованиями, неприятностями в учебе молодость летела по жизни стремительно, весело и вольготно. Незаметно закончились школьные годы, учителя облегченно вручили Калегову аттестат. Быстро пролетело лето и вот, замаячила впереди срочная служба.

Осенью 1990 года Андрей и его закадычный друг вошли в военкомат. Дежурный поманил их к себе, Калегов протянул паспорт и повестку.

– На медкомиссию в правый коридор, – строго сказал прапорщик, потом сурово посмотрел на мелкого Тарасова. – А вы куда?

– Мне к военкому надо! – выпалил Мыша и тоже протянул паспорт.

– И что стоим? – спросил прапорщик у Калегова, записывая данные паспорта Олега.

– А нам к военкому вместе надо.

– Хорошо, идите, вон приемная.

Военком оказался полноватым седым майором с густыми усами. Он устал уставился на двух подтянутых ребят.

– Слушаю.

– Товарищ майор, – бойко начал Тарасов, – у меня друг в армию идет, я вместе с ним служить хочу!

– Да? – удивился военком. – Дай-ка паспорт.

Майор полистал паспорт, покачал головой.

– Извини, парень, твоя очередь весной придет.

– А добровольно разве нельзя?

– Ну, вы даете! Сколько здесь сию, ты первый, кто в армию раньше срока просится.

– Товарищ майор, – поддержал друга Калегов, – помогите. Мы с Олегом всегда вместе: и в школе, и в спорте.

Военком заинтересованно приподнял бровь, пристально рассматривая парней.

– Спортсмены?

– Боксеры, – торопливо ответил Олег. – У меня первый взрослый, а у Андрея КМС.

– Ладно, Тарасов, напишу в область запрос по твою душу, ступай к секретарше, пусть данные твои перепишет, и свои спортивные достижения не забудь.

– Спасибо! – расплылся в улыбке Тарасов.

– Не радуйся раньше времени, я ничего не обещаю, начальство решать будет.

Мышь выскочил за дверь.

– погоди, – остановил военком Андрея, собравшегося следом. – Как фамилия?

– Калегов.

– Кокорин – твой тренер?

– Так точно!

– Он мне звонил. В ВДВ пойдешь?

– Конечно! Я и сам хотел.

Майор кивнул, улыбаясь в густые усы.

– После медкомиссии ко мне зайдешь.

Автобус с новобранцами минул распахнутые ворота с крупными звездами и смешной двухэтажный домик КПП, за автобусным окном мелькнул долговязый ефрейтор с красной повязкой на рукаве и синим беретом на голове. Дорога мимо стройных пахучих сосен привела на огромный плац, плотно окруженный зданиями. Чуть позже Калегов

узнает, что четырехэтажное здание в торце плаца – штаб, напротив – трехэтажный учебный корпус, между ними три казармы по четыре этажа каждая, а напротив казарм – спортзал и столовая.

Пожилой прапорщик с морщинистым обветренным лицом дал команду трем сержантам, и те принялись расставлять новобранцев в одну длинную шеренгу. После некоторой сумятицы им это удалось. Прапорщик кивнул им и громко скомандовал: «Личные вещи к осмотру!» Новобранцы переглянулись и неохотно опустили свои ноши к ногам. Сержанты вновь включились в работу и наглядно показали, как это делается: опрокинули несколько рюкзаков и сумок, высыпая содержимое на асфальт. Новобранцы все поняли и принялись торопливо выкладывать вещи перед собой. Где-то на правом фланге одиноко послышался звон лопнувшей бутылки. Донеслись сердитые голоса сержанта, прапорщика и испуганное мычание новобранца:

– Петров!

– Я!

– Зарегистрируй-ка этого перца вне очереди и отправь сразу на кухню. Пусть картошку один на всю роту чистит. Стекло убрать.

– Есть!

Перед внутренним взором Калегова мелькнула просторная казарма, четыре идеально прямых ряда железных кроватей с заправленными в натяг одеялами с черными полосками, рядом табуреты и тумбочки с белыми номерами. Он держит в руках бечевку и вместе с дежурным по роте сержантом выверяет полоски на одеялах, где надо, чуть подтягивает, одергивает, чтобы соблюсти военную геометрию.

Снова словно вспышка фотоаппарата и новая картина. Они на спортивной площадке, все запыхались после бега. Перед ними стоит их взводный, старший лейтенант Сергей Иванович Окрошкин, большой, круглолицый, с густыми черными усами. Он только что пробежал с ними утренние три километра, но голос его был спокоен и гулок, как всегда.

– Вы десантники! Вы должны выполнять боевую задачу, используя все навыки, в том числе и рукопашный! Я вам покажу азы, а в войсках вы их закрепите. Калегов!

– Я!

– Два шага вперед.

На утоптанной до бетонной крепости поляне новобранец и взводный встали друг против друга. На руках обоих потертые боксерские перчатки.

Калегов встал в привычную боксерскую стойку, взводный полубоком, чуть пригнувшись. Его покатые плечи скрывали мощь.

– Нападай! – скомандовал он.

Калегов отчетливо вспомнил, как выиграла его кровь, как ринулся он на противника. «Ничего, что он выше и шире, но зато я умелый и быстрый», – мелькнуло в голове. Он выдал каскад молниеносных ударов, некоторые из них явно прошли в корпус и голову, но даже не покачнули противника, напротив, тот вдруг попер вперед, игнорируя удары. Андрей не успел понять, как оказался спеленатым в железном захвате, даже дыхание перехватило. Окрошкин оттолкнул его.

– Еще раз!

Андрей разозлился, поменял стойку и провел несколько ударов ногами и руками. Взводный с трудом, но отбил их, одновременно удивленно хмыкнув, и опять рванулся вперед. Неуловимо быстро он перехватил нападающую руку Калегова, и, подставив ногу, обрушил противника на землю. Андрей чувствительно приложился спиной и тут же увидел летящий в лицо могучий кулак. Он зажмурился, но удара не последовало, лишь легкий порыв воздуха тронул кончик его носа.

Офицер рывком поставил Калегова на ноги и спокойно обратился к взводу.

– Забудьте про уличные драки и благородные поединки на ринге. Десантник должен работать миной, гранатой, пулей, броском ножа. Если и это не помогло, значит, далее идут бой ножевой, приклад, саперная лопатка. И сами понимаете, если вы все это растеряли, только тогда наступает пора махать руками и ногами. И здесь ваша задача, как можно быстрее вырубить, придушить, сломать врага.

Калегов моргнул, и картинка переменялась. Он стоял рядом с взводным и вместе с ним смотрел вслед уходящему с песней взводу. Офицер взглянул на солдата.

– А ты молодец, заставил меня попрыгать. И ногами хлестко работал, – старлей добродушно улыбнулся, – но неправильно. Ничего, я тебя научу, из тебя толк будет. Иди, догоняй взвод.

Андрей срывается с места, но вдруг спотыкается, начинает медленно падать и застывает висющим над бледными кустиками желтоватой

На утопанной до бетонной крепости поляне новобранец и взводный встали друг против друга. На руках обоих потертые боксерские перчатки

травки. Стало тяжело дышать, все вокруг поплыло, он пытался остаться здесь, но краски тускнели, и он неотвратно проваливался в темноту. Она привычно окружила его, но лишь на мгновение, в глаза сквозь веки впился яркий свет, и жутко запершило в горле.

Калегов открыл глаза. На его кровати сидел человек в белом халате и бережно тащил из него трубку искусственного дыхания. Вытащил. Андрей захотел полной грудью втянуть в себя воздух, но получилось немощно и скудно. К нему склонилось расплывчатое лицо врача.

– Дыши, герой, дыши! Сам дыши. Вот так, молодец!

– Сергей Борисович, как он? – встревоженно, но так знакомо для Андрея спросил чей-то голос.

Калегов кашлянул, взгляд чуть прояснился, и он разглядел своего друга.

– Это надо же, три недели! Поневоле в чудо поверишь, – врач обернулся к Гурееву. – Саша, зрочки, кажется, реагируют, садитесь, поговорите с ним. – Доктор встал, уступая место. – Конечно, лучше бы жена...

– Она сказала, что не может, – торопливо ответил Гуреев и склонился над Калеговым. – Андрей, привет, это я, Саша Гуреев. Если ты меня слышишь, моргни.

Калегов медленно опустил веки.

– Обалдеть! – всплеснул руками доктор и приказал медсестре, стоящей в проеме палаты: – Наташа, срочно бригаду сюда! А вы, Александр, идите, сейчас здесь будет тесно.

– Я смогу еще прийти?

– Сюда нет. Вот переведем в обычную палату, тогда милости прошу.

Гуреев кивнул и вышел. Калегов устало закрыл глаза и вновь спрятался в уютную темноту с блистающими звездочками своего прошлого.

Младший сержант Калегов вышел из поезда и растерянно огляделся. Он достал из кармана предписание: в/ч 92616, город Брест. В Брест он прибыл, а на счет части, видимо, придется идти в комендатуру.

– Эй, десантура, привет! – его окликнул высокий сержант в камуфляжном комбинезоне, такой же кепке и с парашютами на петлицах. – Ты в 38-ю?

– Не знаю, – пожал плечами Андрей и протянул свое предписание.

– О! – обрадовался жизнерадостный собеседник. – Точно к нам! Милости прошу в 38-ю отдельную гвардейскую десантно-штурмовую бригаду! Тебе, брат, сказочно повезло, я за билетами для начштаба заехал,

смотрю, а тут ты жалом водишь! – Сержант протянул руку и представился: – Сергей.

– Андрей! – Калегов благодарно пожал протянутую ладонь. – Спасибо.

– Не за что! Хватай вещички, Андрюха. Кстати, – спросил он уже на ходу, – а как ты из ВДВ к нам умудрился попасть? У нас, штурмовиков, своя учебка имеется.

– Меня взводный направил, сказал, что ваш капитан Васильев запрос прислал.

Сержант от удивления остановился.

– Геннадий Арсеньевич?! Это ж наш главный рукопашник в бригаде! Если к нему, то в спецроту. Ты что, мастер?

– По боксу – кандидат в мастера, а по рукопашке начинающий, – улыбнулся Калегов.

В просторном спортзале капитан Васильев в кимоно построил молодое пополнение. В разномастной спортивной форме солдаты выглядели цветасто. Капитан приказал оголить торс, потом прошелся мимо, все были подтянуты, с хорошей мускулатурой. Он удовлетворенно кивнул.

– Просто красавцы, а не спортсмены.

Кто-то хихикнул, Васильев криво улыбнулся.

– Посмотрим, как после тренировок хихикать будете, – ответом послужила полная тишина, все замерли. – Вот так-то лучше. Итак, поясняю. Кроме штатных занятий и боевой подготовки в моей роте проводится углубленное изучение армейского рукопашного боя, сокращенно АРБ. Предупреждаю: будет тяжело и больно. Все вы люди здесь не случайные, с опытом силовых состязаний, но силком я никого не держу. Кто не желает, говорите сейчас, переведу в обычную роту. Без последствий. Ну?

Капитан выжидательно всматривался в лица ребят, все молчали.

– Вот и хорошо, – продолжил он. – Кстати, у нас послезавтра бригадные соревнования по АРБ намечены. Может быть, есть желающие?

– А кто участвует? – внезапно и громко спросил Димка, сосед Калегова по койке.

– Солдаты срочники, как вы, – капитан хитро прищурился, – а также сверхсрочники, прапорщики и офицеры – те, кто прошел огонь и воду. Так что могут сделать бо-бо. Итак, кто хочет получить тумачков?

– Я! – вдруг неожиданно для себя выкрикнул Андрей.

– Шаг вперед, представиться!

– Младший сержант Калегов!

– Как я понимаю, ученик старшего лейтенанта Окрошкина?

– Так точно!

– Сергей Иванович тебя хвалит. А ты сам уверен, что готов выйти на ковер?

– Так точно, уверен! Товарищ капитан, разрешите вопрос?

– Давай, – с интересом на лице кивнул Васильев.

– А если получится так, что я тумачков навалю, например, офицеру, это будет нарушением субординации?

Капитан широко улыбнулся.

– Вот ты о чем... Не волнуйся, наряд тебе не объявят. На ковре погоны не носят, все по позывным записаны. Вот тебя, герой, как записать?

– Колдун.

Гуреев с надеждой всматривался в невозмутимое лицо врача. Тот щелкал мышкой и явно делал вид, что читает на мониторе что-то очень интересное.

– Ну что ты меня взглядом пронзаешь? Состояние стабильное, дышит сам, тебя вот вроде как узнал.

– И опять сознание потерял!

– Если мозг жив, сознание вернется, – Извозов резко отодвинул компьютерную мышку в сторону, – а вот как он жить дальше будет?

– В каком смысле?

– В смысле полного паралича, – доктор пристально посмотрел на собеседника.

– Как же так? Неужели навсегда?!

– Не знаю. Теоретически ремиссия возможна, но на практике... Понимаешь, Саша, мозг штука загадочная, а твой друг – весь загадка.

Извозов достал из кармана зажигалку и принялся вертеть ее пальцами.

– Он выжил, хотя не должен был... Пришел в сознание, хотя никто не надеялся... Я ж вас попрощаться тогда пустил.

– Я помню, спасибо.

– При чем тут я, главный разрешил. Кстати, как там его жена?

– Плачет.

– А кто такая Лена? Она мне часто звонит.

Гуреев замаялся.

– Подруга.

– Ну дела! Она мне сказала, что в любом случае Андрея не бросит.

– Мне тоже. Так когда же вы нашего чемпиона в обычную палату отправите?

– Скоро. Вот выведем из искусственной комы и переведем. А почему чемпион?

– Потому что в молодости кучу чемпионских титулов насобирал.
 – Расскажи.
 – Он еще в школе КМС по боксу получил. Срочную служил в десантно-штурмовой бригаде в Бресте. Там один мастер по армейскому рукопашному бою его и приметил. Так Андрюху натренировал, что тот пробился на первый всеармейский чемпионат по рукопашному бою и стал чемпионом.
 Доктор удивленно покачал головой.
 – Из бокса в чемпионы по рукопашному бою?! Как такое возможно?
 – С Андреем многое невозможное становится возможным. Вы в курсе его первого ранения?
 – Конечно, я изучал анамнез, тяжелое ранение в голову.
 – Но там вряд ли написано, что пуля не вошла в голову, а срикошетила от нее. Я тогда разговаривал с лечащим врачом, тот сказал, что у Андрея кость черепа толще нормы на 1–2 миллиметра.
 – Ничего себе!
 – Жаль, что от осколков мины это не спасло.
 – Саша, я начинаю подозревать, что дело не в кости. Ты понимаешь, не мог он после второго ранения в голову выжить!
 – А он выжил.
 Мужчины помолчали.
 – После армии Андрей домой вернулся, – неспешно начал вспоминать Гуреев, – потом ко мне в Москву приехал. Я его познакомил с видным тренером по боксу, а тот и кикбоксеров тренировал, вот и взялся с ним работать. Через три месяца Калегов попал в сборную Москвы, потом в сборную России и за два года собрал целый веер титулов: чемпион России, чемпион Европы, чемпион Азии, вице-чемпион Мира.
 – Похоже на сказку.
 – Но это была, только давняя, середины 1990-х. Андрей даже в нескольких фильмах умудрился сняться, с Мамоновым, с Олейниковым. В эпизодах, конечно. И с Ван Дамом пообщался.
 – Ничего себе! И что про него сказал?
 – Что он балерун и алкоголик.
 – Но как же из такого гламура Андрей умудрился стать офицером ФСБ?! Гуреев улыбнулся и встал.
 – Простите доктор, об этом я не буду рассказывать. Могу лишь сказать, что случай помог.
 – Как всегда? – Извозов тоже встал, глянул на часы. – Пойду я чемпиона навещу.
 – Привет ему от меня передайте.
 – Я все приветы передаю, – мужчины пожали друг другу руки. – Думаешь, слышит?

– Уверен в этом, Сергей Борисович.
 – Тогда ищите сиделку.

Сержант Калегов, наглаженный и душистый, прогуливался по улице Советской в центре Бреста. Здесь вокруг фонтана постоянно тусовалась молодежь, а уж в выходные было не протолкнуться. Каждое увольнение Андрей приезжал сюда и воочию наблюдал, как меняется его большая страна. В бригаде служба шла своим чередом, и казалось, ничего не менялось, разве что офицерам стали задерживать зарплату, и они ходили злые и вредные. Зато город менялся на глазах: нормой стали многокилометровые автомобильные пробки в сторону границы, как грибы после дождя росли ларьки и магазинчики с разнообразными цветастыми товарами. Молодежь у фонтана и бара собиралась особенная. Яркие заграничные наряды, показная сексуальность девчонок, яркие банки пива в руках и пресыщенные ленивые взгляды в его сторону. «Центровые» чужих не любили, но солдат терпели (куда ж им с десанниками тягаться!), поэтому просто не замечали.

Калегов проходил мимо фонтана, когда в него вдруг плюхнулся подвыпивший джинсовый мальчик. Он смешно барахтался, пытаясь зацепиться за парапет, но пальцы соскальзывали. Толпа вокруг смеялась и подбадривала, выкрикивая: «Держись крепче, Валера!». «Вот уроды!» – подумал Андрей и, раздвинув пару зрителей в стороны, ухватил тонкую кисть Валеры. Одним движением поставил его на ноги и помог перелезть через парапет. Недалеко замигал синий свет, это желтый милицейский уазик неспешно и тихо катил по тротуару с очередным досмотром территории. Толпа мгновенно поредела. Калегов подхватил Валеру под локоть и повел к опустевшей курилке. С парня текло, ноги заплетались, но он довольно улыбался. Андрей усадил его на край скамьи. Милицейский УАЗик благополучно проехал мимо.

– Валера, – обратился он к парню, – тебе домой надо, простудишься.
 – А я не Валера, – заявил парень и бессмысленными глазами посмотрел на армейскую форму. – Ты мент?

Андрей ответить не успел, подбежала милая девчушка в короткой юбке.

– Женька, ты зачем в фонтан опять полез?!
 – Чтоб повеселело! – парень пьяно хихикнул.
 – Так он не Валера?

Девушка наконец обратила внимание на Андрея.
 – У нас все, кто в фонтан лезут, Валеры.
 – И что, много желающих? – удивился Калегов.

– Хватает, – девушка озадаченно посмотрела на Женю, мычащего какой-то мотивчик, перевела взгляд на Калегова. – Молодой человек, помогите мне его домой отвести, тут рядом.

– Меня Андреем зовут, – сказал Калегов и улыбнулся обаятельной улыбкой.

Взгляд девушки потеплел.

– А меня Олеся.

Они вышли из подъезда дома на полутемную улочку, сюда явственно доносились шумы с улицы Советской, но словно из другого мира.

– Ты обратно? – спросил Калегов.

– Не, домой. Завтра отцу надо помочь собраться в дорогу.

– Я провожу?

– Пошли.

По пути Олеся доверчиво поведала новому знакомому, что отец возит в Польшу советские дрели и пылесосы, там продает и покупает всякое барахло и технику. Здесь сдает, потом собирает новую партию для продажи. Для Андрея это было удивительным открытием. Оказывается, отец девушки за одну поездку зарабатывал больше, чем за пару месяцев работы на заводе. Впервые в его голове мелькнуло беспокойство от ожидаемой неопределенности на гражданке. Олеся весело щебетала и прижималась к нему, им было хорошо вместе.

Зима. Андрей целуется с Олесей на скрипучем крыльце.

– Мне пора, надо до подъема успеть.

– Ох, Андрюшка, получишь ты гауптвахту за свои самоволки!

– Ничего, отсижу.

Они опять целуются. Калегов смотрит на часы.

– Автобус скоро.

Он подбегает по заснеженной улице к автобусной остановке. Неожиданно его хлопают по плечу тяжелой ладонью. Он отскакивает и оборачивается. Два бородатых кавказца с вызовом смотрят на него, говорят с характерным акцентом.

– Он выжил, хотя не должен был...
Пришел в сознание, хотя никто не надеялся... Я ж вас попрощаться тогда пустил

– Не бойся солдатик, нам только рубли нужны.

– И часы у тебя красивые.

– Не подаю.

– Что?! Мы с Кавказа!

– А я с Урала.

Два молниеносных удара и два тела падают навзничь. Подъезжает автобус, Андрей прыгает на подножку, сзади начинают шевелиться поверженные агрессоры, один ругается на своем наречии.

Калегов открыл глаза и привычно посмотрел в потолок. Он его уже хорошо изучил, все выбоины, трещинки. Над ним склонились добрые глаза сиделки Татьяны.

– Андрей, доброе утро! – с хрипотцой ласково сказала она.

Он попытался улыбнуться, но получилось, как всегда, плохо, и в ответ он опять только промычал что-то несурзное. Услышав себя, жгуче разозлился: нет, он должен обязательно ей ответить! Андрей вцепился правой рукой в край кровати и, сводя от усилий мышцы, проговорил более или менее различимо: «Доброе». И вдруг легко улыбнулся, криво, но понятно.

Сиделка всплеснула руками.

– Вот молодец! Спасибо тебе! Сейчас позавтракаем, а потом массаж. Хорошо?

Калегов кивнул. У него получилось! Он вдруг ясно понял, что в болезни, как в спорте: хочешь достижений, применяй сверхусилия! Вот и правая рука вроде бы приподниматься стала. Он потянул ее что есть силы вверх.

Хлопнула дверь палаты.

– Татьяна, как наш чемпион?

– Сергей Борисович, он мне только что «Доброе» сказал!

– Тебе не показалось?

– Нет, я ясно слышала! И руку поднимал. Вон, опять пытается.

Скрипнула кровать, Калегов почувствовал на своей перенапряженной руке прикосновение теплых ладоней, они мягко опустили его руку, твердо пробежались по ней пальцами, расслабляя мышцы.

– Ну, Андрей, ты просто герой, а теперь надо срочно немного отдохнуть.

Доктор оглянулся на сиделку.

– Татьяна, я пришлю сестру, она даст снотворное, пусть поспит.

– А процедуры?

– Я скажу, чтобы перенесли на после обеда.

Калегов и капитан Васильев, оба в кимоно, сидели на длинной скамейке в пустом спортивном зале.

– Боюсь, скучать буду.

– Так оставайся на сверхсрочную. Службу знаешь, женишься, корни пустишь.

– Корни, это вряд ли.

– Почему это? Ты же говорил, у тебя невеста в Бресте?

– Была, – горько усмехнулся Андрей. – Поплакала мне в плечо и уехала с папой в Германию. Он в автосервис устроился, будет немецкие битые машины ремонтировать и нам, лохам, варить.

– Хм, – капитан озадаченно потер подбородок. – Может, оно и к лучшему?

– Может, – вздохнул Калегов, он все еще переживал внезапное расставание.

– Ну, так оставайся служить, ты же прирожденный десантник!

– Кому служить, Геннадий Арсеньевич? Союза нет, мы с вами теперь за границей.

– Россия все равно есть. Я тебя в Псков переведу в спецроту. Прапорщика получишь, заочно учиться сможешь.

– Я, учиться?!

– А ты что, дурнее других? Диплом получишь, офицера присвоят.

Калегов задумался, Васильев его не торопил.

– Геннадий Арсеньевич, я слышал, нашу бригаду в армию Белоруссии передавать будут, а вдруг с переводом в Псков не получится? Не, я домой поеду.

– Ладно, решил так решил. Ты, главное, спорт не бросай, он тебя всегда выручит и поддержит.

Они встали, обменялись крепким рукопожатием.

– Геннадий Арсеньевич, может, свидимся еще?

– Не исключено, – улыбнулся тот.

Калегов приехал в родной город утром вместе с первым снегом. Едва вышел из междугороднего автобуса, сразу замело, да так зло и пронзительно, будто природа, как раз его и дожидалась, чтобы распрощаться с осенью. Андрей в сержантской парадке поехал и заторопился к остановке. Карпинск изменился: на каждом углу ларек, везде мусор, пустые бутылки, на улицах, несмотря на холод, непривычно много людей, бесцельно бредущих или глазающих по сторонам, одетых небрежно и ветхо, с тоскою в глазах. В Бресте так уныло не было.

Мать его встретила с удивлением и радостью.

– Мам, я же телеграмму послал!

– А меня дома не было, сынок, – безвинно улыбнулась она. Они обнялись.

– А Оксанка где?

– Без понятия, – мать поникла, устало присела на табурет, – она совсем от рук отбилась, грубит.

– Как же так, я отметить по-семейному хотел, гостинцев привез.

– Ничего, на комод телефоны подружек, я к соседке сбегаю, обзвоню. Ты хозяйничай пока.

Мать ушла, Калегов оглядел крохотную кухню и грустно покачал головой. Отвык он от этого мирка, раньше не замечал его убогости, а теперь... А теперь, вся страна рухнула, стало еще хуже.

Звонок в дверь. Калегов открыл, на пороге юркий паренек с наглыми глазами. Андрей вопросительно посмотрел на незваного гостя.

– Андрюх, привет.

– Привет, только от кого?

– От Усти. Слыхал?

Калегов кивнул, кто ж не слышал? Не успел приехать, приятели разъяснили новые порядки и кто в городе «мазу» держит. Устюжанин личность известная.

– Выходи на крылечко, там старшой тебе все объяснит.

– Хорошо, оденусь только.

На скрипучем крылечке их старого двухэтажного барака курили два плечистых парня, а худосочный посыльный уже сидел за рулем большого «мерседеса» и поглядывал в их сторону. Молодые люди обменялись рукопожатиями. Поговорили, Андрей слушал, что-то отвечал. Потом кивнул, они неспешно двинулись к машине.

Калегов смотрел через густо тонированное стекло на свой город и ощущал себя в другом мире. Тем более в этой комфортной машине уличные звуки гасли, усиливая эффект потусторонности. Он настроился на дальнюю дорогу, подумав, что его повезут куда-нибудь за город, в поместье за высоким забором, но они приехали в центр города. Машина несколько раз повернула и остановилась у двух домов из желтого кирпича, раньше их называли райкомовскими.

Просторный коридор квартиры был уставлен коробками с импортными наклейками, пахло сигаретами и алкоголем. Они прошли мимо небольшой комнаты с нарисованными веселыми львятами на стене. Здесь стояли четыре неряшливые кровати, на одной храпел здоровяк в одежде:

правая нога была в кроссовке, с левой свисал мятый грязно-белый носок. В большой комнате с когда-то шикарной румынской стенкой у окна восседал в кресле крепкий мужчина средних лет в спортивном костюме, он кивнул на стул перед собой, не торопясь, прикурил. Калегов сел, два его сопровождающих уселись на диван, тот недовольно скрипнул.

– Андрей, ты ведь в десанте служил? – спросил Устюжанин.

– В десантно-штурмовой бригаде, Игорь Иванович, – вежливо ответил Калегов, как проинструктировали его еще в машине.

Авторитет довольно улыбнулся.

– Чем заниматься планируешь?

– Работу буду искать, может, в Екатеринбург поеду.

– Понятно, – усмехнулся Устя, – будешь в Ёбурге на заводе батрачить? Калегов неопределенно пожал плечами, Устя понимающе кивнул.

– Колдун, завод не для тебя, ты же боец, а не терпила. Предлагаю тебе у нас поработать.

– Это кем же? – насторожился Андрей.

– Не бойся, – усмехнулся Устя и пустил густое кольцо дыма, – криминал без тебя обойдется. У меня есть место в охране рынка, обычная работа. Зарплата приличная, тренироваться сможешь.

Калегов задумался. Первый позыв был отказаться, он понимал, где он и с кем разговаривает, но работа обычным охранником пока вполне бы его устроила.

– Андрей, сейчас времена такие, что народ сам за порядком следить должен, на ментов и чинуш никакой надежды. Вот мы и следим. Так как?

– Я согласен.

Калегов раскрыл сумку и принялся складывать туда вещи, в комнату зашла мать, тревожно прижала к груди руки.

– Сынок, может, ты зря уволился?

– Зря?! – Калегов со злостью закинул в сумку кроссовки и потертые боевые перчатки. – А ты что предлагаешь, остаться и деньги со стариков собирать?! Они последнее на рынок несут, а я как держиморда таксу с них брать буду?! Нет уж, спасибо.

Он раздраженно застегнул молнию сумки, прощально обвел взглядом свою маленькую, но такую родную комнату.

– Андрюша, куда ж ты теперь?!

– В Екатеринбург поеду, меня обещали охранником в торговый центр устроить.

– А как же мы с Оксаночкой?

– Я приезжать буду.

Сиделка вывезла в кресле Калегова на улицу. Он довольно щурился на солнце, воздух легко и обильно вливался в легкие, наполняя сердце надеждой. Аккуратные дорожки реабилитационного центра под елями и соснами, две утки, вразвалочку идущие по дорожке, игнорируя больших, отдыхающих на скамейке, белка, неумоимо скачущая у КПП то на толстый ствол, то обратно на землю, и добрый говор сиделки Татьяны за ухом, неразличимый по смыслу, но так приятно ласкающий слух. Все

это неслышно шептало ему: живи, борись, еще не все потеряно. Андрей пошевелил правой рукой, коляска остановилась. «Что, хороший мой?» – спросила сиделка. Андрей, было, что-то невнятно замычал, но оборвал себя, напрягся и почти отчетливо громко произнес: «Хорошо!»

Из дверей КПП вышел Гуреев, издалека засиял улыбкой и быстрым шагом направился к нему.

– Привет, Андрюха! – он наклонился и бережно обнял друга, тот крепко сжал ему предплечье и сказал: «Привет!». – Ого! – обрадовался Гурьев. – Вот это прогресс! Татьяна, спасибо вам, давайте я его покатаю? А вы передохните.

– Хорошо, – сиделка глянула на часы. – Через сорок минут жду в фойе, у нас процедуры.

– Не вопрос! – Гурьев наклонился к Калегову. – Ну что, на наше место?

Андрей кивнул и попытался улыбнуться.

Встречать Новый год Андрей приехал в Карпинск. Привез домой целый ворох подарков, всяких вкусностей, вина и шампанского. Он радостно обнялся с сестрой и мамой, та от избытка чувств долго не выпускала его из объятий. Потом они вместе накрыли стол и сели праздновать. Было хорошо и уютно.

Калегов подливал шампанского в бокалы матери и сестры, его бокал стоял практически нетронутый. Раиса Ивановна с удовольствием сделала глоток и любяще посмотрела на сына.

– Очень вкусное шампанское, да, Оксаночка?

– Ничего, – кивнула сестра, лениво ковыряясь вилкой в тарелке.

– Оксан, ты чего такая грустная?

– Ее подруга приглашала, из-за тебя осталась, – ответила за нее мать. – Может, отпустим?

– Конечно, отпустим! Пусть идет, я не обижусь. Ты только веди себя хорошо, ладно? Не забудь, о чем мы с тобой сегодня говорили!

Девушка тут же расцвела радостью, вскочила, обняла брата, поцеловала.

– Не забуду! До встречи в новом году! Андрюш, можно я бутылку вина возьму?

– Можно.

– Что это у вас за разговоры? – прищурилась мама, когда Оксана убежала.

– Воспитательные.

Раиса Ивановна вполне удовлетворилась этим ответом и вылила себе в бокал остатки шампанского.

– Сынок, а ты, я смотрю, так и не пьешь?

– Мам, я же спорт не бросаю, форму держу.

– Молодец. Эх, пропадем мы здесь, сынок, может, хоть ты человеком станешь.

Калегов включил телевизор, пощелкал каналами.

– Андрюша, открой еще шампанского?

– Мам, может, попозже, ты как себя чувствуешь?

– Отлично, мне пару глотков для настроения.

Калегов сходил на кухню, хлопнул дверцей холодильника, вернувшись, занялся пробкой. Раиса Ивановна нежно наблюдала за сыном. Он добавил в ее бокал шампанского и вогнал пробку обратно в бутылку.

– Мам, открою под куранты!

– Ладно-ладно, не волнуйся, – женщина, довольно прищурившись, пригубила вино. – Кстати, сынок, чуть не забыла. К тебе тут твои товарищи спортсмены заходили.

– Какие спортсмены? – насторожился Калегов.

– Товарищи по секции. Хотели письмо тебе написать, так я им твой адрес в Екатеринбурге дала. Не написали?

– Пишут, наверно, – нахмурился сын.

Морозным утром Андрей решил сходить в магазин. После двух новогодних дней город отсыпался, и в магазине он был единственным покупателем. Продавщица откровенно дремала за прилавком. Настроение у Калегова было дурное, слова матери о «товарищах-спортсменах» не выходили из головы. Он понял, что прежние работодатели его просто так отпускать не хотят. Плохое предчувствие нарастало.

Хмурый и задумчивый, он вышел из дверей магазина. А вот и неприятности: у ступенек крыльца его поджидали трое. Один очень здоровый, второй худощавый с набитыми косточками на кулаках, третий жилистый, высокий, он и начал разговор.

– Привет, Колдун, с прибытием в родной город. Поговорим?

– Так уже говорим.

– Пошли, спортсмен, в скверик, – пробасил здоровяк, – чтоб народ не пугать.

Укромный скверик, запорошенный снегом. Калегов поставил пакет с покупками на заснеженную лавку, повернулся к бандитам. Разговор опять начал жилистый.

– Ты Устю обидел. Он тебе работу дал, а ты с ним даже не попрощался.

– Согласен, неудобно получилось. Вы мои искренние извинения Игорю Ивановичу не передадите?

– Во дает! – не сдержался здоровяк.

– А ты борзый, – негромко буркнул худощавый, грозно хмурясь на Андрея.

– От нас просто так не уходят, – покачал головой жилистый. – Так что, Колдун, ты или возвращайся или мы тебя накажем. Надо будет, и в сибирской столичке найдем.

– Вон оно как?! – разозлился Калегов. – Обиделись? А сестру мою на наркоте зачем подсадили?!

– Она сама захотела, – ухмыльнулся жилистый. – Ты у нее спроси.

– Спрашивал! Вы ее специально подставили!

Здоровяк вытащил нож, жилистый хотел что-то сказать, но Андрей не стал дожидаться, неожиданным выпадом ноги выбил нож, врубил кулаком верзиле в подбородок – тот осел, как подрубленный. Второй бандит тоже выхватил финку, но Андрей выдал ему прямой удар ногой под колено. Что-то хрустнуло, тот тоненько заверещал и, выронив нож, упал. Жилистый отскочил и рванулся в сторону, метрах в двадцати обернулся.

– Передай, не вернись я к вам, – крикнул ему Калегов.

– Тебе конец, Колдун!

Калегов дернулся в его сторону, тот задал стрекача. Андрей подхватил пакет со скамейки и поспешил домой, было ясно, что новогодние каникулы досрочно прерываются.

Кокорин, школьный тренер Калегова, открыл дверь и удивленно уставился на своего бывшего воспитанника.

– Вы извините, Николай Алексеевич, я...

– С Новым годом, между прочим, – прервал его Кокорин. – Хотя вряд ли ты меня поздравить пришел, заходи.

Они сидели на кухне, пили чай. Калегов рассказал тренеру все, как есть, теперь они молчали, обдумывая ситуацию.

– На автобус тебе нельзя.
 – Угу.
 – Я тебе, Андрей, машину найду. Есть у меня надежный папа.
 – Спасибо!
 – Бензин ему оплатишь туда-обратно.
 – Само собой.
 – погоди мельтешить. Ты в Екатеринбурге не оставайся, найдут.
 – Я знаю. Мне дружки по работе рассказывали про моего земляка в Москве...

Кокорин поморщился.

– Андрей, что значит, дружки? Друзья! Говори правильно, за умного сойдешь.

Они невесело посмеялись. Кокорин включил конфорку под чайником.

– Так что там за земляк?

– Он вроде дело свое в Москве открыл, не жадный. Сам спортом занимается и знакомых в столичном спорте имеет. Его спрашивали насчет меня, сказал, пусть едет.

– Вот видишь, это судьба! – тренер встал. – Все, иду звонить на счет машины.

Калегов тоже вскочил.

– Спасибо, вам, Николай Алексеевич!

Кокорин подошел, обнял, похлопал по плечу.

– В такие времена как же я своим мальчикам не помогу?

Гуреев встретил Калегова у вагона.

– Саша.

– Андрей.

Они обменялись рукопожатием.

– С прибытием, земляк. Двинулись?

За фонарями необъятного Казанского вокзала висела густая зимняя ночь, пронизываемая сполохами и шумами большого города. Калегов с любопытством разглядывал своего нового знакомого: явно постарше, но по-спортивному подтянутый, походка упругая, шаг широкий, встретил радушно, без всяких столичных закидонов.

Они тихо вошли в просторный холл квартиры, из кухни выглянула миловидная женщина.

– Это Света, – шепотом представил жену Гуреев, – моя вторая половина.

– Андрей, – едва слышно прошелестел Калегов и почему-то смутился. Женщина улыбнулась.

– Очень приятно. Саша, хозяйничай, а я спать, мне завтра на работу, – она приветливо махнула ладошкой.

Есть не хотелось, они, не сговариваясь, сошлись на чае. Андрей после дороги разомлел, глаза сами собой закрывались. Гуреев это видел и ни о чем не расспрашивал. После чаепития он привел Калегова в небольшую комнатку с разложенным и застеленным диваном.

– Вот, располагайся.

– Саш, спасибо. Я завтра в гостиницу съеду, у меня деньги есть.

– Никаких гостиниц! Поживешь пока здесь.

– Но...

– Никаких «но»! Земляк ты мне или не земляк? Спи, завтра поговорим.

Утром завтрак затянулся. Калегов сначала кратко рассказал о себе, но Гуреев не унимался, все расспрашивал и расспрашивал и о тренировках, и о соревнованиях юниоров, и о службе в армии, и о жизни в Карпинске. Слушая, как живет теперь его родной город, Александр горестно покачивал головой.

Андрей замолчал, а Гуреев еще долго сидел в молчаливой задумчивости.

– Как я понял, – прервал он молчание, – ты тренировки не прекращал?

– Нет, конечно! Я в хорошей форме. Кстати, у тебя тут поблизости спортзала нет?

– Спортзалы везде есть, только тебя прежде на работу надо устроить. Я сначала к себе хотел пристроить...

– А что делать надо?

– Недвижимостью торговать. Сможешь?

Калегов так энергично замотал головой, что Гуреев рассмеялся.

– Не дрожи, земляк, я знаю, где ты будешь ко двору. Пойду я несколько звонков сделаю, а ты пока посуду помой. Справишься?

– Легко!

Гуреев набрал номер, повезло: ответили сразу.

– Ашот Иванович, с Новым годом!

– Саша, ты же уже поздравлял. Говори, что стряслось?

– Ашот Иванович, от вас ничего не скроешь. Земляка хочу показать.

– Показать! – сыронизировал собеседник. – Скажи честно, пристроить в институт хочешь?

– Клянусь, классный боксер, кандидат в мастера, в десанте служил.

– Хм, интересно. Ладно, приводи к пяти своего КМСа, посмотрим, каков. Пусть кроссовки и трусы боксерские не забудет.

– Ой, я не знаю, на счет трусов, – растерялся Гуреев.

– Саш, какая разница! Пусть в штанах с лампасами приходит. До встречи.

Гуреев положил трубку, утер рукавом пот со лба, что-то проворчал про себя, улыбнулся.

Когда пришел на кухню, та блестела чистотой. Калегов вопросительно смотрел на земляка.

– Андрей, у тебя кроссовки есть?

– Есть.

– А боксерские трусы?

– Нет. Я в кимоно тренируюсь.

– Отлично! К пяти поедem в Горный институт, там классный тренер по боксу! Смотрины тебе назначил.

– В институте?

– Не сомневайся, Гарамян Ашот Иванович – светило в спорте, заслуженный тренер России, профессор, кандидат педагогических наук.

– По боксу?

– По физкультуре. Сам увидишь. А до этого мы еще на Мясницкую заедem.

– А там что?

– Охранная фирма «Темикс», будешь в группе быстрого реагирования работать.

– Опять в охране?!

– Не хандри, там классные ребята, все из органов, они беспредела не допускают. Так как, едем?

– Едем.

Гуреев вышел из КПП реабилитационного центра и наткнулся на доктора Извозова. Тот стоял возле урны и с наслаждением потягивал сигарету.

– Сергей Борисович, вы здесь?! Здравия желаю! Мне вас Бог послал!

– Здравствуй, Саша, – они пожали друг другу руки. – Ты Бога все не поминай, я всего лишь на плановую консультацию приезжал. Про чемпиона своего спросить хочешь?

– Да!

– Удивительный он товарищ, феномен, так сказать. Сегодня его долго обсуждали.

– Не дрожи, земляк,
я знаю, где ты
будешь ко двору.
Пойду я несколько
звонков сделаю,
а ты пока посуду
помой.
Справишься?

Доктор замолчал.

– И что?!

– Организм у Калегова крепкий, живучий, а вот паралич, похоже, навсегда. Увы.

– Вы меня не удивили, – после долгой паузы грустно отозвался Гуреев. Доктор затушил сигарету, поморщился.

– Надо бросать эту гадость. Саша, пойдem, навестим вместе твоего друга.

Калегов с интересом осматривался: большой светлый зал, стены из светло-желтого кирпича, белые колонны и лестница, сине-белый ринг и красные боксерские груши на длинных цепях. Вроде бы обычный спортзал, но какой-то воздушный. Люди здесь выглядели обыкновенно, и шум стоял привычный: дробные удары кулаков по грушам, скользящий скрип кроссовок и напряженное дыхание пары десятков человек.

Андрей ожидал увидеть большого плечистого кавказца, и был поражен, когда Саша представил его невысокому с намечающимся животиком седоватому человеку с изящно подстриженными усами и бородкой. Тот пронзительно и улыбчиво посмотрел снизу вверх на Калегова, протянул руку. Она была крепкая и сухая. Калегов не любил потные руки, а к таким сразу проникался доверием. Гарамян после рукопожатия руку Андрея не отпустил, мягко повертел ею перед глазами, потом постучал по его предплечью и улыбнулся, видимо, осмотром остался доволен.

– Скажи, Андруша, трусы боксерские у тебэ ест? – с неподражаемым акцентом и с очень серьезным видом спросил Гарамян.

– Нет, – слегка смутившись, ответил Калегов, – только кимоно.

– Комоно так комоно, – улыбнулся тренер и уже без всякого акцента вполне серьезно добавил: – Куртку не надевай. Саша, покажи своему земляку раздевалку.

В чистой раздевалке, пахнувшей не потом, а недавним ремонтом, Калегов открыл пустующий шкафчик и принялся переодеваться.

– Как тебе тренер?

– Немножко смешной.

– Шутить Ашот Иванович любит.

– Добрый, наверное?

– Ага, очень! Будет тренировать – заплачешь.

– И не подумаю! – Калегов вытянул руки с надетыми перчатками. – Зашнуруешь?

Когда гости удалились в раздевалку, Гаракян поднялся по ступенькам на помост ринга и, держась за канат, осмотрел зал, ища нужного спортсмена. Нашел.

– Слава! – крикнул он зычно и поманил к себе жестом.

К тренеру легкой трусцой подбежал высокий рукастый парень с короткой военной стрижкой.

– Гостя заметил?

– Саша опять земляка привел? – улыбнулся боксер и выразительно стукнул перчатками друг о друга. – Просветить надо?

– Да, только нежно, без травм.

– Ашот Иванович, сделаем в лучшем виде.

Слава был выше Андрея и шире в плечах. Гаракян хлопнул в ладоши, боксеры начали мужской воинский танец. Слава, надеясь на свои длинные руки, принялся атаковать с дальней дистанции и придавливать противника к углу ринга. Он ожидал, что Андрей попятится, но тот, успешно отбивая удары блоками, шагнул навстречу, провел обманный финт в челюсть, вынудив соперника на мгновение приподнять руки, и резко ударил чуть ниже солнечного сплетения. Слава отскочил и с изумлением в глазах принялся глотать воздух.

– Стоп! – жестко скомандовал Гаракян и ловко проскользнул через канаты на ринг.

Он подошел к своему боксеру, заглянул ему в глаза, тот уже отдышался, похлопал его по плечу.

– Не ожидал? – Слава помотал головой. – И я не ожидал. Ты иди, спасибо.

Гаракян повернулся к Калегову и, забрав назад руки, медленно обошел его вокруг, остановился напротив.

– Молодец!

Калегов вдруг покраснел и смутился. Это еще больше понравилось тренеру, он заулыбался.

– Быстрый. Саша сказал, ты рукопашник?

– В армии занимался.

– А что чемпионом был, почему молчишь? Скромный или гордый?

Калегов вдруг открыто улыбнулся.

– Ашот Иванович, я и то, и другое.

Гаракян не ответил, покачал головой и двинулся к канатам, поманив рукой за собой.

Возле свободной груши остановился, кивнул на нее.

– Ударь ногами.

Калегов хлестко и быстро провел серию ударов ногами. Гаракян довольно покивал и спросил:

– Про кикбоксинг слышал?

– Конечно!

– В Москве он на подъеме, пойдешь?

– Пойду.

– Только учти, там бьют не по-детски.

– Так я битый, не боюсь.

– Ну-ну, герой, там видно будет. Учти, я поблажек не делаю, режим тебе распишу, нарушений не потерплю! Устоишь от соблазнов?

– Устою.

– Договорились. Паспорт с собой? – Калегов кивнул. – А аттестат?

– Тоже, только он...

– Ничего, – махнул рукой тренер, – главное, что есть. Иди, переодевайся.

Андрей, сияя улыбкой, поспешил в раздевалку. Гаракян повернулся к Александру, все это время стоящему в сторонке.

– Хороший парень, перспективный. Он у тебя живет?

– Угу.

– Подержишь пока?

– Не вопрос.

– Я твоего земляка на подготовительные курсы оформлю, сессия начнется – в общежитие устрою, потом на летние сборы заберу. А если спорт у него хорошо пойдет, общежитие ему через ректора еще раньше сделаю.

– Спасибо, вам, Ашот Иванович!

– Как знать, не исключая, что и я тебе спасибо скажу.

Через месяц Андрей получил место в общежитии Горного института. А через три радостно сообщил Гурееву, что его взяли в сборную Москвы по кикбоксингу и, возможно, включат в сборную России.

Гуреев встретил Андрея и Виталия на Войковской. «Ну что, боксеры, готовы на смотрины? – бросил он им после рукопожатий. – Тогда за мной!»

Квартира находилась на последнем этаже обычной хрущевки и, видимо, не впечатлила, потому что они вышли из обшарпанной двери с кислыми физиономиями. Следом за ними появилась полная женщина и с усмешкой взглянула на них.

– Ребятки, по такой цене я бронь держу только до вечера, у меня на завтра уже два просмотра назначены.

– Я обязательно позвоню, – заверил хозяйку Гуреев.

Женщина кивнула и осторожно пошла вниз по лестнице. Виталий повернулся к Калегову.

– Андрей, как считаешь, уживемся мы в обшарпанной однушке?

– Легко! Сейчас ведь живем вместе в общежитии.

– Нет, ребята, так не пойдет! – вмешался Гуреев. – Пошли вторую квартиру посмотрим.

– Так она в два раза дороже! – поморщился Виталий.

– Зато двушка.

Они позвонили в дверь, красиво обитую бордовым дерматином. Ее открыли две улыбающиеся девушки. Они озорно осмотрели мужскую компанию.

– Вы на смотрины?

– Ага! – широко улыбнулся Виталий. – Заодно и квартиру посмотрим.

Все дружно и весело засмеялись.

– Я Виталий, это Андрей, это Саша, а вас как зовут?

– Юля. Аня. Проходите.

Воспоминание подернулось грустной рябью и уплыло в темноту под веками. Калегов вспомнил, кто он, где он, но просыпаться категорически не хотел. Надо постараться вспомнить что-то радостное, хоршее.

В уютном ресторане с большими окнами на старый московский переулок за щедро сервированным столом восседал Гуреев и внимательно изучал меню. Андрей, Виталий, Юля и Аня вошли в зал, нашли взглядами Александра и, переглянувшись, тихо засмеялись. Юлия что-то всем шепнула, друзья кивнули и тихо двинулись к Гурееву. Они выстроились возле столика и, по жесту Юлии, дружно проскандировали: «Здравствуй, Саша!» Тот выронил меню, охнул, вскочил и бросился со всеми обниматься.

– Как я столик организовал? – гордо спросил он, когда они расселись по местам.

Через три месяца Андрей радостно сообщил, что его взяли в сборную Москвы по кикбоксингу и, возможно, включат в сборную России

– Шикарно! – Виталий плотоядно потер ладони. – Люблю я вкусно поесть! Саш, а твоя Света надолго задержится?

– Нет, на один тост, – Гуреев принялся разливать вино по бокалам.

– И за что выпьем? – спросила Юля, приподняв бокал.

– За то, Юлечка, что год назад я привел этих двух оболтусов в некую квартиру на смотрины и теперь мы ждем две свадьбы, – он поставил бутылку и поднял свой бокал. – За ваше счастье, друзья!

– Без меня?! – на свободный стул присела Света. – Саша, налей мне, я тоже хочу за счастье выпить.

Все радостно загомонили, раздался звон бокалов.

Гуреев впустил Калегова в квартиру, они по-дружески обнялись.

– Андрей, я тебя год не видел!

– И я!

Они весело рассмеялись и прошли на кухню. Стол был накрыт к обильному завтраку. Андрей восхищенно покачал головой.

– Саша, Светочке низкий поклон за ее знаменитые блинчики!

Они уселись за стол, гость по-свойски налил себе кофе и приступил к трапезе, а вот Гуреев вдруг помрачнел и раздраженно постукивал по столу пальцами.

– Саш, ты чего?

– А ты чего? Почему Горный бросил и из команды ушел?!

Калегов опустил блинчик на тарелку.

– Ну, вот, аппетит испортил, – он пристально глянул на друга. – Надоело за титулами гоняться.

– А как же пояс чемпиона мира? Подумаешь, засудили тебя в Киеве! Ты что, обиделся?

– Так ведь действительно засудили! Соперник был слабее меня, бил реже, а ему победу по очкам присудили!

– Да хоть бы и так, что ж теперь спорт бросать?

Калегов покачал головой, откусил половину блинчика, зажмурился от удовольствия и хлебнул кофе. Гуреев терпеливо выжидал.

– Саш, поверишь, не обиделся я.

– И все бросаешь?

– Угу.

– А как же Гарамян?

– Мы с ним вчера полвечера разговаривали.

– И он тебя не послал?!

– Я ему все объяснил.

– Тогда и мне, своему другу, объясни, пожалуйста.

– Перебивать не будешь?

– Не буду, давай излагай.

Андрей задумался, потер подбородок и начал рассказ с риторического вопроса: «Саша, ну какой из меня геолог?!» Да, получил несколько престижных титулов, стал мастером спорта международного класса по кикбоксингу, деньги на турнирах неплохие заработал, даже квартиру купил. А дальше что, тренером работать? На это талант нужен. И жена ворчит, что неделями не видит мужа, что денег в семье то густо, то пусто. Кстати, это Юля задала вопрос по учебе: «Ты что, и впрямь руду в Сибири искать собираешься?» Предупредила, что она не декабристка и из Москвы не уедет. Вот тогда Андрей ей и брякнул: а в Германию? Он ей просто так сказал, а она вцепилась, пришлось рассказать, что его в Германию пригласили в профессиональный клуб. Жилье обещали и зарплату хорошую, опять же турнирные деньги в долларах, а не в рублях. «Короче, Юлька меня убедила, билеты на руках, визы открыты, завтра уезжаем».

Калегов замолчал и взялся за новый блинчик. Гуреев покачал головой, задумчиво потер подбородок.

– Андрей, работать в Европе, это не туристом по ней разъезжать.

– А я работы не боюсь.

– Значит, собираешься Европу покорить?

– А почему бы и нет? Посадил же я негра на задницу, а какой здоровый был!

– На чемпионате Европы в Амстердаме?

– Угу, – жуя, подтвердил Калегов.

– Ох, Андрей, сомневаюсь я. В Европах и своих, и чужих героев хватает, затопчут.

– Да ладно тебе, там наших ребят полно, поддержат.

– Дай Бог! Может, гульнем на дорожку сегодня? Светка рада будет.

– Прости, друг, не выйдет, прямо от тебя иду собирать чемоданы.

– Теперь понятно: блинчики впрок закидываешь?

– Вкусные, там таких не будет.

– Там много другого вкусного. Подсядешь на их пиво и шницели и станешь, как тот негр из Амстердама.

Прошел год. Гуреев лениво повернулся в кровати, Света сонно толкнула его в бок, мол, не ворочайся. Как же не хочется вставать! Внезапно затренькал телефон, будь он неладен! Александр схватил трубку с базы и, нажав прием, выскользнул из спальни.

– Слушаю, – недовольно отозвался он и зевнул.

– Привет, Саша! Вот, решил тебя до зарядки достать.

– Андрюха, ты?! Откуда?

– Из Москвы. Вчера вечером приехали.

– Надолго?

– Навсегда.

– О как! Значит, Европу побоку?

– Да ну их, заднеприводных. Все словно с ума посходили.

– Неужто из-за этого вернулся?

– Да нет, из-за тупизма ситуации. Там контора не зря клубом называется: в ней и команда, и школа, и сетка боев, а еще куча менеджеров, юристов. Я думал, в боях буду участвовать, а меня два раза выпустили, а потом приказали бой слить какому-то голландцу. Я послал.

– Давили?

– Нет, это же не кино. Просто из боев выкинули, перевели на спарринги, помощником тренера поработал. Короче, скучно и противно. Вот, досидел до конца контракта и слинял. Даже Юлька Европы наелась.

– И что будешь делать?

– На родину с семьей съезжу, маму навещу, потом в «Темикс» вернусь.

– Не забыли тебя?

– Помнят, – засмеялся Калегов. – Я еще из Германии звонил, ждт.

– Это хорошо, когда работа есть. В институте тебе надо восстановиться. Хочешь, с тобой схожу, я там много кого знаю.

– Нет, Саша, в Горный не вернусь, буду искать вуз попроще. Саш, ты как насчет сегодня по праздновать? Я тебе все в подробностях распишу.

– На Чистых прудах?

– Ага, я столик бронирую.

Калегов лежал на массажном столе и ощущал себя на седьмом небе: он чувствовал правую ногу! Он вновь пошевелил ею, и по нервам опять пронеслась пронзительная боль, но он был счастлив. Андрей зажмурился и что есть сил потянул ее на себя. Казалось, он делает жим килограммов в сто двадцать и одновременно держит пальцы в розетке. Он застонал

Андрей задумался, потер подбородок и начал рассказ с риторического вопроса: «Саша, ну какой из меня геолог?!»

и отключился. Когда открыл глаза, увидел над собой Извозова и криво, как смог, улыбнулся ему. Тот положил ладонь на подрагивающую после перенапряжения ногу, чуть прижал.

– Шевелить больно?

– Да, но хорошо, – почти внятно ответил Калегов.

– Ты пока полежи спокойно, Наташа тебе сейчас снотворное даст, надо поспать.

Андрей кивнул и прикрыл глаза. Массажист разблокировал колеса, из-за спины доктора вышла медсестра и точными движениями выкаатила каталку из комнаты. Доктор повернулся к массажисту.

– Молодец, Толя, что вызвал.

– Так мне ж сказали «обширный паралич», а он вдруг ногой дрыгает и морщится.

– Этот парень не устает удивлять. Месяц назад у него все осколки из ног вышли. Сами. Читал об этом, но видел впервые. И вот опять, – доктор вытащил из кармана пачку сигарет, взглянул на нее и опустил обратно. – Пойду я воздухом подышу.

Васильев подошел и молча сел за стол. Некоторое время он и Калегов вглядывались друг в друга.

– Геннадий Арсеньевич, как же я рад вас видеть!

Васильев улыбнулся и протянул руку. Крепкое рукопожатие.

– Я тоже, Андрей.

Подошла официантка. Калегов вопросительно посмотрел на своего бывшего командира.

– Мне только кофе.

– Два кофе и порцию блинчиков.

– А как же калории?

– Отработаю!

– Эх, молодость, – вздохнул Васильев, потом нахмурился. – Так что, надумал, Колдун? Помнишь еще свой позывной?

– Помню. Согласен, конечно!

– Ты говорил, у тебя диплом о высшем образовании имеется?

Калегов кивнул.

– Год назад получил.

– Диплом настоящий?

– Обижаете, Геннадий Арсеньевич, все по-честному. Четыре года заочно учился в Университете печати.

– Это хорошо. Завтра ко мне в контору придешь, пропуск закажу. Напишешь рапорт. Как только он все инстанции пройдет, получишь

прапорщика, через годик отправим тебя на оперативные курсы, окончишь и офицерские погоны наденешь. Но учти, заграница для тебя закрывается.

– Не велика потеря, посмотрелся. Геннадий Арсеньевич, так чем же я буду заниматься? Может, хоть сейчас расскажете?

– Расскажу. Я в антитеррористическом центре ФСБ работаю. Мне помощник нужен, инструктор по специальной и физической подготовке. Будешь со мной по командировкам мотаться, учить бойцов рукопашному бою, зачеты по нормативам принимать. Ну, что застыл аки памятник?!

– Дыханье перехватило. Это что ж, и в «Вымпеле» тоже?

– Везде, где нужно. Наши спецы, как музыканты, должны ежедневно тренироваться, чтобы форму и навыки не терять. Вот мы и будем им помогать.

Сиделка Марина поднесла смартфон к Калегову, послышался взволнованный голос Гуреева.

– Андрей, у тебя все в порядке?

– Да.

– Я получил эсэмэс. Вот перезваниваю и волнуюсь.

– Я сказать, повернулся.

– Что, не понял?

– Сам, Саша! – Калегов устало откинул голову на подушку и кивнул сиделке. Она заговорила.

– Александр, Андрей хотел сказать, что он сегодня сам повернулся на бок!

Рано утром Васильев и Калегов вышли из поезда на неприметной станции. На площади их дождался военный уазик с бравым усатым капитаном возле открытой дверцы.

– Подполковник Васильев, – представился Геннадий Арсеньевич.

– Капитан Тихонов! – лихо козырнул офицер. – Прощу!

Они загрузились в машину. Васильев скоро задремал, а Калегов с интересом смотрел через окна на российскую глубинку. Пока ехали по узкому, но добротному шоссе, Андрей не раз ловил на себе взгляды капитана, но демонстративно не замечал их. Затем машина свернула с шоссе и поехала по укатанной, но извилистой и ямистой грунтовке и им стало не до переглядов. Скоро въехали в лес, затем неожиданно вырнули на бетонку, на которой чуть ли не через каждый километр висел знак «Въезд запрещен». Резво постукивая по стыкам плит, машина

подъехала к КПП. В салон заглянул лейтенант, молча кивнул капитану и махнул рукой. Ворота открылись, машина несколько раз резко вильнула, проезжая короткий лабиринт бетонных плит между двумя рядами колючей проволоки. Через минуту дорога привела их в небольшой военный городок, явно мало изменившийся с советских времен. Машина пронеслась мимо типичного дома офицеров, столовой, пары магазинов, за ними мелькнули жилые дома. Уазик резко свернул и подкатил к пятиэтажке, над крыльцом которой висела выцветшая надпись «Гостиница». Капитан вышел из машины, высокий, гибкий, потянулся. Виногато посмотрел на Васильева.

– Извините, товарищ подполковник, засиделся. Какие будут распоряжения?

– Через час здесь, выезд на полигон.

– Есть!

Капитан козырнул и укатил. Васильев взглянул на Калегова.

– А мы с тобой заселяемся, принимаем душ и стремительно завтракаем. Задача ясна?

– Так точно! – вытянулся Андрей, правая рука была занята дорожной сумкой.

Геннадий Арсеньевич улыбнулся, похлопал помощника по плечу.

– Боязно?

– Интересно!

– Не забудь кроссовки с собой взять, вдруг понадобятся.

Позавтракали в уютном гостиничном буфете. Калегов промокнул салфеткой губы и вопросительно посмотрел на шефа. Васильев звякнул пустой чашкой о блюде.

– Андрей, это твой первый инспекторский выезд, потом их много будет, привыкнешь. Имей в виду, ребята здесь в основном из десанта, с гонором, заводные. Будут подначивать – игнорируй.

Калегов улыбнулся.

– Геннадий Арсеньевич, вы серьезно?

– Конечно. Они знают, что ты новичок, проверить захотят.

– Так вот к чему кроссовки? Геннадий Арсеньевич, я проверок не боюсь.

– Вот и хорошо, – вдруг согласился Васильев и посмотрел на часы. – Нам пора.

У начала полосы препятствий на лавочках сидела гурьба гогочущих могучих парней. Нет, они не все выглядели богатырями, но в глазах Андрея от них просто веяло силой и удалством. «Ребята», как называл их

Васильев, были разного возраста, от молодых лейтенантов и прапорщиков до капитанов и даже пары майоров.

Васильев, а за ним Калегов с небольшим рюкзаком защитного цвета в руке вышли из машины.

– Ой, – донеслось до Андрея, – прапор оценки нам принес.

Посмеяться не успели: Васильев зычно и строго приказал построиться. Прошелся перед строем.

– Значит так, сегодня короткая полоса препятствий и спарринг без оружия на десерт. Вопросы есть?

– Так точно! – отозвался огромный плечистый старший лейтенант в залихватски надвинутом десантном берете. – Помощника своего нового представьте, пожалуйста.

– Иван! – вмешался подтянутый невысокий майор, но Васильев остановил его жестом.

– Ничего, Сан Саныч, просьба справедливая. Отвечаю на поставленный вопрос: мой новый помощник – Калегов Андрей Александрович, в прошлом чемпион Москвы, России и Европы по кикбоксингу, служил срочную в моей роте в 38 ДШБ, завоевал первое место в первом чемпионате по рукопашке в 1991 году. Прошу любить и жаловать.

Притихшие было спецназовцы после последних слов загомонили, кто-то выкрикнул: «Пусть чемпион покажет, на что способен!». Васильев терпеливо выжидал, потом посмотрел на бойкого старшего лейтенанта.

– Иван, ты спрашивал, тебе показ и принимать.

– Есть принимать! – заулыбался десантник.

– Стиль свободный, но чтоб без травм! Я вас чертей знаю!

Зрители стали полукругом, в центре разминал руки и ноги Иван. Когда к нему подошел Калегов, переобувшийся в сторонке в кроссовки, оказалось, что он тоньше и ниже на голову. Сан Саныч протянул поединщикам пару специальных перчаток с открытыми пальцами. Они натянули и встали в стойки. «Бой!» – коротко скомандовал Васильев.

Десантник не стал особо церемониться, пошел сразу вперед. Он провел серию нехитрых ударов руками и завершил атаку боковым выпадом правой ногой. Не прокатило: Андрей легко уходил, ставил блоки и ответил своей серией ударов. Было видно, что оба бьют в полсилы. Зрители завелись, они привыкли к жестким спаррингам. Кто-то крикнул: «Хватит танцев, Иван, наддай!» Призыв подстегнул десантника, он распалился, бить стал резко и мощно. Зрители начали скандировать: «Убей, убей!» Громила перед Калеговым больше не игрался, и попасть под его молот было бы не просто потерпеть фиаско, а опасно

для здоровья. Надо было перехватывать инициативу. Андрей пригнулся, сблизился и пробил серию стремительных ударов по корпусу, Иван на мгновение затормозился, но тут же опять ринулся вперед. Зрители взорвались ревом восторга. Андрей понял, пробить этого бугая с броней мышц на животе невозможно, еще малое время и он задавит напором и мощью тренированного тела.

Краем глаза Андрей заметил, что Васильев наблюдает за ними с совершенным спокойствием, прекрасно понимая рисунок боя и его стадии. Значит, все запреты сняты! Калегов перестал активно атаковать, старательно маневрировал и уклонялся от ударов противника, вызывавших бурю зрительских восторгов. Старший лейтенант окончательно завелся и пошел на него неотвратимо, как танк. Именно этого Андрей и добивался. Выждав момент, он отбил блоком очередной выпад ноги, но теперь не отскочил в сторону, как прежде, а шагнул вперед, прямо под руки десантника. Обманное движение и молниеносный удар в подбородок. Иван замер, его глаза округлились, и он бухнулся на задницу. Повисла тишина. Десантник сидя помотал головой и вдруг, улыбнувшись, громко сказал: «Вот это наддал!» Андрей протянул ему руку, тот ухватился, встал и добавил: «Точно, чемпион». Десятки мужских глоток взорвались восторгом.

Калегов дернулся и открыл глаза. Он понял, что проснулся, но в душе до сих пор разливалось ощущение боя и послушного тела. В палате было темно. Сиделка на соседней кровати рядом тихо посапывала носом. Рано. Он опустил веки и тут вдруг понял, что его левая нога дернулась и он это почувствовал! Он пошевелил ею. Точно! Он ощутил, как пальцы едва заметно потерлись об одеяло. Еще! Однако боль так прострелила в позвоночник, что он негромко застонал.

Включился ночник, сиделка приподнялась, стала тревожно всматриваться в него. Калегов сделал вид, что спит. И не заметил, как вновь уснул.

За окном мелькнул очередной полустанок, дорога с вереницей машин перед шлагбаумом. Васильев потянулся.

Притихшие было
спецназовцы
после последних
слов загомонили,
кто-то выкрикнул:
«Пусть чемпион
покажет, на что
способен!»

– Скоро Москва, – он внимательно посмотрел на своего мрачного помощника. – Ты что смурной такой?

– Товарищ подполковник, вы же знаете.

– Опять?! Ты что, не понимаешь, что у каждого свои обязанности. Ты делаешь важное дело, ребята тебя уважают. Знаешь, как они тебя за глаза называют?

– Знаю, чемпионом. Геннадий Арсеньевич, но это уже звучит смешно, а скоро будет звучать как насмешка!

– Калегов, что за бред?

– Мне перед ребятами стыдно, – продолжил Андрей, не обратив внимания на реплику Васильева, – я же пороха не нюхал. Подумаешь, рукопашная, когда она им пригодится? Они ж с боевой работы не вылезают, а тут я с проверочками. Если я и чемпион, то не для них. Геннадий Арсеньевич, отпустите меня на боевую.

– Хм, а как же оперативные курсы, офицерское звание?

– Через год пройду, после боевой работы. Захотите, опять к вам вернусь.

– Ага, как же, буду я тебя дожидаться!

– Геннадий Арсеньевич, – тихо и упрямо сказал Калегов, – я не хочу, чтобы меня чемпионом называли, хочу, чтобы вспомнили мой позывной «Колдун».

– Вот же репей! – покачал головой Васильев. – Не могу я тебя отпустить, мил друг. Ты будешь за террористами гоняться, а нашу работу кто будет делать, Пушкин?

– Ну, Геннадий Арсеньевич!

– Ладно, замену себе подбери, отпущу.

– Я найду! – просиял Калегов.

– Но чтоб мне понравился и все проверки инстанций прошел!

– Найду!

За окном показались пригороды Москвы. Васильев зевнул.

– Завтра у нас с тобой выходной, отчеты потом напишем. Супруге привет.

– Спасибо, передам.

Палатка в горах, жутко холодно. Калегова трясет, невозможно согреться, костер жечь нельзя. В палатку быстро втискивается подполковник, запахивает за собой полог. Его включили в группу перед самым выходом, не объясняя, зачем и почему, но в спецназе задавать вопросы было не принято.

Подполковник уселся рядом, заметил, как мерзнет новичок.

– Операция первая?
 – Угу.
 – Носки шерстяные есть?
 – Не взял.
 – На, держи, – подполковник вытащил из рюкзака носки из толстой шерстяной нитки.

Калегов отпрянул:

– А как же вы?
 – У меня еще есть, я запасливый. Советую: всегда клади в рюкзак лишнюю пару шерстяных носков, а лучше две.
 – Спасибо, – смутился Андрей, принимая в руки колкий дар.

Он быстро разулся и натянул на озябшие ноги носки, приятное тепло потянуло от ступней вверх. Подполковник достал спиртовку, поставил кружку с водой.

– Сейчас я тебя окончательно согрею.

Через пять минут Калегов пил дымящийся густой сладкий чай и щурился от наслаждения.

Андрей только что вернулся из охранения, теперь можно будет поспать. Подполковник ему приветливо улыбнулся.

– Ты ложись, а я умываться.

Офицер вышел, Калегов только теперь ощутил, как устал организм от холода, от вынужденной бессонницы. Непослушные пуговицы куртки сопротивлялись озябшим пальцам, Андрей уже был готов сдаться и завалиться спать, как есть, но тут вдруг рядом раздался оглушительный взрыв. Калегов мгновенно схватил автомат и, выпрыгнув из палатки, перекатился в сторону от места своего приземления, замер, напряженно вглядываясь в заснеженные заросли. Их полянку и лес вокруг вновь накрыла тишина, даже студёный ветер стих. Рация хрюкнула и хрипло выдала: «Отбой тревоги».

Андрей растерялся, не зная, что ему делать, и тут увидел, как по тропинке из леса на плащ-накидке выносят окровавленного подполковника. Андрей метнулся в палатку за аптечкой.

Бойцы плотно перевязали раненому ноги и живот, но сквозь повязки медленно наливались красные пятна.

– Врача надо! – горько посетовал Калегов. У него не укладывалось в голове: всего полчаса назад подполковник улыбался ему, а теперь бледный и недвижимый лежит перед ними.

– Я вызвал вертушку, – безлико и ровно заговорил старший группы, пряча отчаянное внутреннее волнение, – подполковника надо спускать

к этой точке. – Он ткнул карандашом в карту. – «Колдун», «Акула», не сете раненного, мы с «Медведем» остаемся, задание никто не отменял. Сдадите подполковника – и обратно.

– Понятно, командир, – кивнул «Акула».

Он и Калегов потянулись к плащ-накидке, как вдруг офицер открыл глаза, чуть приподнялся, рывком схватил Андрея за ворот и заговорил неожиданно громко и отчетливо: «Держитесь друг друга, ребята, помогайте...» Пальцы его ослабли, он поник, глаза мертво устремились в небо. «Акула» потрогал пульс на шее, медленно выпрямился и стянул с головы шапку.

– Как такое могло случиться? – тихо спросил Андрей.

– Мина, считай, на нашей тропинке рванула, – отозвался «Акула» и надел шапку.

Калегов недоуменно посмотрел на него.

– Как так, мы же там все ходили?!

– С прошлого года, наверное, стоит, – хмуро пояснил «Медведь». – Зимой подмерзла, а теперь оттаяла, весна.

– Несите, – перебил разговоры старший, – а я врача отзову.

Потом был короткий бой с десятком бандитов, идущих по тропинке. Выстрелы, крики, следом тишина и робкие трели умолкнувших прежде птиц. Но это в памяти сохранилось смутным мазком.

Лежа без движения, Калегов перебирал свои воспоминания, как книги на полке. Вот эту помнит с детства, а эту прочитал и забыл, а у этой даже названия нет и листы белые. Почему так? Некоторые воспоминания были столь яркими, что буквально окутывали его прошлыми эмоциями, будоражили, лишали сна, а другие блекло поблескивали из прошлого, в том числе спорт и победы на ринге, чемпионские титулы. На фоне боевого мужского братства и реального противостояния с врагами они казались малозначительными. Но они были в его жизни, и Андрей был рад их помнить. Он ни разу не пожалел о прожитом. «Герои не плачут», – шептал он забытую фразу мамы из своего детства.

Калегов теперь часто вспоминал доброго подполковника. Его, казалось бы, глупая и бессмысленная гибель по прошествии многих лет все более выглядела подвигом, жертвой ради священного величия сказанных им последних слов. Видимо, иногда сокровенный смысл человеческой жизни сводится к вот такой яркой короткой вспышке. Жизнь угасла, а искра от вспышки зажгла сердца ратных братьев, и, значит, ты полностью не умер. И еще он думал, что раз он еще жив, то должен совершить невозможное и вернуться.

После первой боевой операции последовали десятки других в самых разных уголках России, но чаще на Кавказе. В Дагестане Калегов получил особую специализацию – «щитовик». Несколько боевиков засели в жилом доме, пришла команда: ликвидировать с минимальным ущербом для села. Из машины принесли броневой щит почти в рост человека с ярко-красным кругом в центре и окошком с толстым стеклом на уровне глаз. Весил он 36 килограммов и подвешивался на плечи «щитовика» с помощью сбруи.

Андрей застегнул ремни, приподнял щит, нормально, вполне по силам. Он вышел на позицию, высунув сбоку от щита пистолет-пулемет, за ним, затылок в затылок, построились пять бойцов. Так они и двинулись. Боевики открыли огонь из автоматов, пули цокая, ударялись в щит и отскакивали, не в силах остановить продвижение спецназовцев. Приказ был выполнен без потерь.

Нести щит доверяли самым сильным и хладнокровным. Калегов гордился, что именно ему поручили это опасное дело.

Через год Калегова отправили на оперативные курсы ФСБ. Спецдисциплины он изучал, как все слушатели, а по практической тактико-специальной подготовке неожиданно для себя оказался в роли преподавателя. Сначала его попросили рассказать о реальных операциях, он отвечал. Потом еще раз, и еще. Его заваливали вопросами и курсанты, и преподаватели, и он, как мог, рассказывал, стремясь дать коллегам то, что еще пока не написано в учебниках. Незаметно его рассказы переросли в регулярные лекции. Он договорился с руководством и несколько раз приносил для просмотра служебные фильмы, сделанные во время боевых операций. В них иногда получали ранения и гибли не только враги, но и спецназовцы. Специально кровь и трупы не снимали, но и не ретушировали, как в репортажах на ТВ, поэтому аудитория при просмотре таких видеозаписей так затихала, что, казалось, переставала дышать.

После окончания курсов Калегову присвоили звание лейтенанта. 30 июля 2006 года. Он помнил эту дату.

В 2008 году его вновь отозвали с боевой работы, назначили инспектором боевого отдела по рукопашной и тактико-специальной подготовке

Калегов теперь
часто вспоминал
доброе
подполковника.
Его, казалось
бы, глупая
и бессмысленная
гибель по
прошествии многих
лет все более
выглядела подвигом

Центра специального назначения ФСБ России. Он поначалу наотрез отказался, но начальство позволило ему систематически выезжать «в поле»: самому планировать и проводить спецоперации. Три года он был на этой должности, потом вновь вернулся к чисто боевой работе.

Первое ранение в 2016-м Калегов предчувствовал. Они потом с Сашей Гуреевым много говорили об этом. Группу Калегова направили в небольшое село под Хасавюртом. Предчувствие возникло мгновенным озарением при посадке в спецмашину, Андрей даже оступился, а через секунду уже сидел в кресле и не помнил его. Оно на время растворилось, не оставив после себя ни страха, ни желания что-то изменить.

На постановке задач по перехвату отряда боевиков направление Калегова назвали маловероятным, так как маршрут банды предполагался по другому ущелью. Однако Андрей, прибыв на место, с привычной тщательностью отработал боевой алгоритм. Два бойца отправились вверх по тропе в качестве дозорных, а с остальными тремя он распределился вокруг выхода горной тропы из леса. Ни о каком предчувствии Калегов тогда не думал, но, когда первый дозорный доложил по радиации о двух десятках бандитов, идущих по тропе, вспомнил. Он дал команду пропустить бандитов внутрь импровизированного мешка, а дозорным скрытно подтягиваться следом. Одного из бойцов с позывным «Тугарин» послал к разрушенному дому, стоящему в семистах метрах от места зазаяды: «Будешь наблюдать и огнем поддерживать».

Задача была проста: неожиданным общим огнем положить максимум бандитов. Так все и вышло, большая часть террористов полегла сразу, но пятеро выжили и засели в канаве у тропы. Сначала они панически палили во все стороны, потом пытались рвануть обратно, но дозорный с тыла уложил одного, и остальные залегли, стреляя во все стороны.

– Четверо их осталось, – хрипло сообщал по радиации «Тугарин», прижимая к глазам бинокль. – Один оружие и боеприпасы собирает, двое трупы друг на друга укладывают, четвертый на стреме. Эх, «Колдун», мне бы «эсвэдэшку» сюда!

– Лучше миномет! – проворчал в ответ Андрей. – Оставайся там, наблюдай, жди команду.

Бандиты между тем прикрылись мертвыми телами своих товарищей и вновь принялись палить во все стороны. Спецназовцы изредка постреливали со всех сторон, давая поднять, что все под контролем и уйти не удастся. Калегов приказал отставить стрельбу и громко предложил бандитам сдаться. Те истерически что-то закричали и принялись опять выпускать из АКМов рожок за рожком. «Что у них там, склад что

ли? – проворчал Калегов. – И как этих придурков живьем брать?» Слово услышав его, кто-то из бандитов с жутким акцентом заорал: «Сюда, шайтан, ходи, пуля и граната много!»

Прошел час, близились сумерки. Калегов хмуρο размышлял: еще полчаса и стемнеет. Он снял и отложил в сторону каску, поправил гранаты на поясе и дал по рации команду: «Я «Колдун», иду один, вы прикрываете. Бандитов кончать. На счет три!»

Андрей рывком поднялся и короткими перебежками рванул в сторону террористов. За счет неожиданности выиграл несколько секунд. Бандиты открыли бешеный огонь в его сторону, в ответ пошли короткие очереди спецназовцев, заставляя их прятаться. Калегову нужен был последний рывок, и затем он сможет достать их гранатами. «Пора!» – скомандовал он сам себе и бросился по прямой, потом сразу влево, тут же вправо и опять влево. Как заяц. Около ног вздыбились фонтанчики от пуль, Андрей залег в еле заметную ложбинку. Сердце бешено билось, но он был жив и не ранен. Одну за другой он бросил три гранаты, их взрывы почти слились. И все стихло.

– Командир, тихо вроде, – хрипнула рация, – мы идем?

– Нет, ждать! Я сам проверю! – внутри него шевельнулось мистическое: – Я пока не ранен, значит...

Он не додумал, просто осторожно поднялся и, пригнувшись, шагнул вперед. И в этот момент из-за бруствера мертвых тел вскочил окровавленный бандит. Он был серьезно ранен, голова и лицо в крови, наверное, он плохо видел и был в шоке, потому что дико заорал и пустил длинную очередь. Шальная пуля ударила Калегова в голову, но он не опрокинулся, устоял и выстрелил в ответ, бандит упал. Возможно, и не от его пули, но дело было сделано.

Подбежали ребята, принялись перевязывать. Калегов приказал «Гермесу» убедиться, что живых бандитов не осталось. Тот кивнул и исчез, скоро прозвучали два выстрела. Потом лицо боевого товарища вновь склонилось над командиром.

– Что там? – пересиливая наплывающую слабость, спросил Андрей.

– Один вроде дернулся.

– Хорошо. Женя, – обратился к «Тугарину» Калегов, – ты за старшего, вызывай следаков, мне – санитарку, трупам – перевозку.

– Вызвали уже.

– Еще раз проверь местность, пока еще светло. В радиусе, – Калегов поморщился от боли, – двухсот метров.

– Что искать, «Колдун»?

– Рюкзак или сумку. Там много долларов и какие-то важные бумаги. Они должны были быть при этой группе.

Калегов потерял сознание и лишь много позднее узнал, что рюкзак с деньгами и списками платежных ведомостей нашли в кустах у леса. Если бы не искали, могли и не заметить.

За эту операцию капитану Калегову вручили первый орден Мужества. Чуть позже ему присвоили воинское звание майор.

Через три месяца Андрей вернулся на службу, но на боевую работу его не пустили, назначили на подполковничью кабинетную должность. Друзья Андрею хором говорили: остепенись, повоевал свое, а он: «Хочу воевать!» В конце концов поссорился с начальством, но добился перевода в боевую группу, хотя и с понижением, на капитанскую должность.

Через некоторое время группу Калегова направили в Сирию, под Хому. Там они отвоевали почти три месяца. Если сверху не поступали задания, основанные на агентурных или разведывательных данных, спецназовцы занимались «свободной охотой» по тылам игиловцев. В любом случае все операции, маршруты движения, способы и сроки проведения они разрабатывали самостоятельно. И вполне успешно. Каждые три дня – новая операция, и днем, и ночью. Налетали, ликвидировали и исчезали. Было нескудно.

Но однажды им навязали местного переводчика-проводника, и он их предал.

За три месяца слух о неуловимых «русских шайтанах» разросся до масштаба фобии: рядовые игиловцы стали бояться дежурить на удаленных опорных пунктах. Вот руководители местных банд и приняли решение заманить спецназовцев в засаду. Ради этого не пожалели пожертвовать своим многолетним информатором.

Калегов навсегда запомнил этот день – вечер 4 декабря 2017 года. Его группа скрытно заняла позицию за невысоким песчаным барханом. «Акула» вверху вел наблюдение за блокпостом боевиков, «Аргун» и «Гермес» заученными движениями монтировали миномет «Галл», рядом лежали уже готовые к применению пять выстрелов. Он и «Тугарин» сверялись с картой. Справа от них неожиданно донесся тихий рецитатив молитвы на арабском, все оглянулись на Фарука. Он глядел на них стеклянными глазами и держал в руке включенный смартфон. Это было открытое предательство: на операции все посторонние средства связи строго запрещены. «Фарук, не смей!» – заорал «Тугарин». Проводник вздрогнул и вжал голову в плечи. Пуля из глушака «Акулы» с тихим звоном прошила смартфон и воткнулась в грудь Фарука, тот вздрогнул

и уронил голову в песок. И сразу же донесся стремительно приближающийся мерзкий свист. Взрыв.

– «Колдун» ранен! – крикнул сверху «Акула» и скатился вниз. – Женька, у тебя тоже кровь!

– Пустяки, все «Колдуну» досталось! – «Тугарин» вскочил, – «Гермес», ставь под мины подарок, «Аргун» и «Акула», тащите командира к машине. Уходим, быстро!

С тех пор Калегов боролся с последствиями ранения. Шесть лет, наполненных воспоминаниями, беспомощностью, отчаянием и надеждой, ибо он не валялся на койке, оплакивая сам себя. Каждый раз, закрывая глаза, он словно ощупывал свое тело, ища с ним контакт и понимание, звал непослушные нервные клетки к послушанию. Надо было иметь героическое терпение, чтобы день за днем, месяц за месяцем вести изнуряющую внутреннюю работу и не утонуть в сомнениях в собственной адекватности и в комплексах самообмана. Непонятно, эти ли усилия сыграли свою роль или природные силы, но организм откликнулся. Через два года после второго ранения он начал произносить слова, через три – строить из слов короткие предложения. Теперь Калегов мог говорить долго и внятно, и его улыбка все менее походила на гримасу. Почти каждый день его подвешивали на ходунки, и он через силу и боль двигал ногами, вспоминая, что значит, ходить.

В сентябре 2022 года по путевке, выхлопотанной друзьями, Андрей отдыхал месяц в военном санатории в Саках. По его просьбе сиделка Марина выкатывала его на коляске на пирс, и он долго всматривался в морской горизонт. Однажды Марина спросила, что он там высматривает, и он ответил, что мысленно плывет к горизонту.

Генерал Романов приехал навестить Калегова в санаторий незадолго до возвращения того в Москву. Они пожали друг другу руки.

– Здравствуй, Андрей. Я генерал-майор Романов.

– Здравия желаю, товарищ...

– Можно просто Юрий Иванович, – Калегов кивнул, генерал улыбнулся и продолжил. – Мне давно доложили, что ты приехал на лечение. Вот, выбрал, наконец, время, заехал познакомиться и поговорить. Мы с тобой, так сказать, коллеги.

– Понятно, – кивнул Калегов.

Сиделка налила им кофе и мудро удалилась. Генерал проводил ее глазами.

– Как себя чувствуешь?

– Я живу! – очень серьезно сказал Калегов и многозначительно замолчал.

– Андрей, ты в «Вымпеле» легенда.

Андрей продолжал молчать. Он просто не знал, что на это ответить, а Романов с внутренним изумлением разглядывал этого невероятного парня, подбирая слова для начала разговора.

– Награды есть?

– Есть! – Андрей оживился. – Два ордена Мужества, знак «За храбрость», медали... – он запнулся, припоминая. – «За верность долгу», две «За отвагу», «За возвращение Крыма» и «Участнику военной операции в Сирии».

– Солидно. «Мужиков» за что получил?

– Первый – за Дагестан, второй – за Сирию. Только я его еще не получил. Ребята сказали, повесят на грудь, когда вернусь.

– Я слышал, тебя и на героя представляли?

– Было дело, – Калегов улыбнулся и махнул рукой. – Еще один повод вернуться.

– Что скажешь про армию сирийцев?

– Без хорошего пастуха – стадо баранов.

– А про СВО что скажешь?

– Тяжело будет. Украинцы те же русские, упертые.

– Одолеем?

– Конечно! У них родовую память отняли, а у нас она есть.

– Хорошо сказал, – вздохнул Романов и глянул на часы.

– Когда меня второй раз ранили, – тихо сказал Калегов, – один осколок в часы прилетел. Жалко, дорогие были часы.

Генерал посмотрел на него и улыбнулся:

– Я бы тебе эти часы подарил, но они дареные.

– Я не к тому, – испугался Калегов, – просто вспомнилось.

Романов встал.

– Андрей, я тебе другой подарок сделаю, предложу тебе работу.

– Мне?!

– Не сейчас, конечно. Ты, главное, не сдавайся! Вот тебе мои телефоны, – генерал положил на столик визитку, – звони в любое время. Как только врачи позволят, я тебя сюда в Крым возьму. Будешь участвовать в

Шесть лет Калегов боролся с последствиями ранения

планировании новых операций и анализировать завершенные. Нам настоящий эксперт нужен, а не теоретик. Стучать по клавиатуре научишься?

– Теперь да!

Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

Александр смотрел на своего друга, того только что привезли с процедур. Калегов устало, но довольно улыбался, потому что его правая рука под легким покрывалом мелко подрагивала. Сиделка сердито взглянула на Гуреева.

– Саша, ваш друг себя в могилу загонит!

– Это почему же?

– Еле с ходунков стащили, ходит и ходит! Пот градом течет, дышит, как загнанный конь, а все идет и идет!

– Андрей, ты, почему Татьяну не слушаешься?!

– Я больше не буду.

– Так я и поверила! Уф, пора перекурить!

Сиделка вышла, Александр похлопал Калегова по руке.

– Андрей, ты силы свои рассчитывай.

– А я и рассчитываю. Я по спорту знаю: успех приходит через пот и терпение. Не могу я здесь задерживаться, я обязан встать и вернуться, меня ребята ждут. У нас боевое братство, ребята надежные.

Гуреев удивленно покачал головой.

– Ты это и врачам говоришь?

– Говорю.

– А они что?

– Они улыбаются.

– И не отговаривают?

– Уже нет. Мне вот только похудеть надо, а то набрал лишние 15 кило.

– Андрей, а ты уверен, что получится?

– Уверен! – Калегов подался вперед. – Саш, я раньше мычал, теперь говорю, лежал бревном, а теперь ходить учусь. И научусь! Левая рука вот только пока не поддается, – Андрей усмехнулся, – живет своей жизнью, кулаки иногда мне показывает.

Вошла сиделка.

– Саша, я в курилке доктора Извозова встретила, хотите поговорить?

– Конечно!

Гуреев с чувством пожал руку доктору.

– Сергей Борисович, не передать, как рад вас видеть!

– Взаимно. Как там наш подопечный?

– В бой рвется! Вы знаете, я после второго ранения верил, что Андрей выживет, но что он на ноги сможет подняться, никогда не верил. А сегодня его повидал, поговорил и вдруг поверил.

Извозов задумчиво пустил струю дыма.

– Никто не верил. Твой друг на наших глазах совершает невозможное, чудо, растянутое во времени на шесть лет. Потому мы и не видим, – доктор сморщился, затушил и выбросил сигарету. – А я вот бросить эту гадость никак не могу!

– Сергей Борисович, бросайте прямо сейчас!

– Хм, а что?! «Тварь ли я дрожащая или право имею?!» Саша, будешь свидетелем?

Гуреев кивнул, они пожали друг другу руки. Извозов вытащил из кармана почти полную пачку сигарет, взвесил ее на руке и положил на скамейку. Сверху водрузил зажигалку. Посмотрел на Гуреева и улыбнулся.

– Пойдем, Александр, героя твоего навестим.

– Он мой друг.

– Я знаю. 🇷🇺